

Ши Сюньлюй изумился тому, какой неожиданной силой обладал Юнь Тин. Он на мгновение замер, забыв о сопротивлении. Через тонкую ткань одежды ощущалось тепло кожи, и он невольно отметил, насколько стройным, но при этом крепким было тело наставника.

Когда Ши Сюньлюй почувствовал, как его укладывают на кровать, он застыл, а кончики его ушей окрасились в едва заметный алый цвет. Он пребывал в легком замешательстве, глядя в пространство перед собой отсутствующим взглядом.

Юнь Тин, заметив, что ученик, свернувшись калачиком на кровати, хранит молчание, отчего-то занервничал. Он походил по комнате, а затем взял со стола чашу с лекарством.

Осторожно подув на отвар, чтобы остудить его, он поднес чашу к губам Ши Сюньлюя. Юнь Тин бросил на него робкий, полный смущения взгляд и, отведя глаза, виновато прошептал:

— Ученик, прости меня.

Ши Сюньлюй молча смотрел на него своими угольно-черными глазами, в глубине которых, казалось, можно было утонуть. Кончики его ушей пылали, но он не шевелился.

Это было лекарство, приготовленное Лю Сучи, и он не желал его пить.

Юнь Тин, заметив дрожь его ресниц, медленно опустил чашу. Подобно ребенку, совершившему проступок, он тихо спросил:

— Больно?

Услышав это, Ши Сюньлюй едва заметно изогнул губы в улыбке, но та исчезла так же быстро, как рябь на воде. На смену ей пришла гримаса боли: он нахмурился, его лицо стало мертвенно-бледным, словно он едва выносил страдания. Его пальцы, подобно змее, скользнули по одежде Юнь Тина и, зацепившись за пояс, потянули его ближе:

— Наставник, у меня болит спина.

Ши Сюньлюй редко показывал свою слабость, и Юнь Тин, испугавшись, поспешно обошел его, чтобы осмотреть спину. Он принялся развязывать одежду, не заметив, как с лица ученика мгновенно слетела тень страдания, сменившись едва уловимой, призрачной усмешкой.

Когда внутренняя рубашка соскользнула вниз, перед глазами Юнь Тина предстала безупречная, словно выточенная из нефрита спина.

Тело Ши Сюньлюя, еще не до конца сформировавшееся, но уже лишенное юношеской хрупкости, выглядело гармонично. Его кожа, гладкая и светлая, как свежая мякоть личи, под солнечными лучами отливала здоровым блеском, а лопатки, напоминающие крылья бабочки, казались нежными, словно фарфор.

Однако всю эту картину портил глубокий, почти трехдюймовый разрез, оставленный духовной энергией. Кровавая рана тянулась от позвоночника к пояснице, обнажая плоть. Она выглядела как насильственно начертанная красной кистью печать на драгоценном сосуде или как след от ногтя на зернышке граната — в этом было что-то пугающе хрупкое.

Юнь Тин, сам не ведая того, коснулся пальцами спины Ши Сюньлюя. Легкое покалывание пронзило кожу, дойдя до самых костей ученика и заставив его сердце затрепетать.

Ши Сюньлюй слегка напрягся. Понизив голос до вкрадчивого шепота, он произнес:

— Наставник, у меня и голова болит.

Юнь Тин тут же убрал руку и, взяв лицо ученика в свои ладони, с тревогой заглянул ему в глаза:

— Почему болит голова? Это часто случается?

Руки Юнь Тина были мягкими, словно вата или облака. Ши Сюньлюй прищурился и невольно потерся щекой о его ладонь, подумав про себя, как легко обмануть наставника. Вслух же он ответил с самым невинным видом:

— Не знаю почему, но в последнее время в голове всплывают странные воспоминания. Я порой совершаю поступки, которые не могу контролировать, и не помню их, когда прихожу в себя.

Русалка с золотистым хвостом, залитое кровью поле битвы в мире бессмертных и... красивый, грязный маленький нищий, чье лицо он не мог вспомнить.

Юнь Тин наклонился вперед и прижался своим лбом ко лбу Ши Сюньлюя. Меж их бровей вспыхнул мягкий свет. Расстояние сократилось настолько, что Ши Сюньлюй мог разглядеть крошечную родинку на кончике носа наставника. Их дыхание смешалось, и он услышал тихий голос Юнь Тина:

— Это потому, что часть моей души находится в твоём море сознания.

Ши Сюньлюй широко раскрыл глаза.

— Когда мы с Цинъянем лечили твои раны, я случайно почувствовал, что утраченная мной частица души заперта в твоём сознании. Я хотел извлечь ее силой, но невольно спровоцировал тебя на воспоминания о прошлой жизни. Вот почему у тебя болит голова.

— Но почему я веду себя так, будто я совсем другой человек? — Ши Сюньлюй еще не успел осознать услышанное, но язык уже задал следующий вопрос.

Юнь Тин выпрямился, увеличивая дистанцию.

Ему снова не удалось призвать свою душу — она словно пустила корни в теле Ши Сюньлюя. Помолчав немного, он ответил:

— Человек совершает определенные поступки и становится тем, кто он есть, лишь опираясь на свой прошлый опыт. Только так можно найти ответы.

— Возможно, в прошлой жизни ты был именно таким.

Ши Сюньлюй замер.

Он внезапно осознал, что каждый его срыв был связан с Юнь Тином. Он не позволял никому оскорблять наставника, не позволял никому причинить ему вред... Он не мог вынести даже того, чтобы Юнь Тин нахмурился.

Неужели в прошлой жизни он был таким же?

Ши Сюньлюй коснулся межбровья. Он не чувствовал присутствия чужой души, но новость о том, что частица наставника живет внутри него, не испугала его. Напротив, в сердце зародилось тайное ликование, подобное вьющемуся растению, которое незаметно для всех уже успело оплести всё вокруг.

— Твоя рана не так уж опасна.

Юнь Тин, убедившись, что море сознания Ши Сюньлюя не пострадало, с облегчением выдохнул и поднялся, собираясь уйти за лекарством.

Однако Ши Сюньлюй истолковал это иначе. Он резко вскинул взгляд и, подавшись вперед, обнял Юнь Тина:

— Наставник, не уходите!

Возможно, из-за того, что к нему вернулись фрагменты прошлого, Ши Сюньлюй болезненно реагировал на внезапный уход Юнь Тина. Его руки, словно железные обручи, стиснули талию наставника, и он с силой потянул его обратно на кровать, не давая возможности пошевелиться.

Они оказались прижаты друг к другу. Юнь Тину стало трудно дышать, но он боялся, что если начнет вырываться, то рана ученика разойдется. Подавив кашель, он сердито произнес:

— Ты...

— Если наставник хочет уйти, значит, вы все еще сердитесь на меня?

У самого уха слышался приглушенный голос Ши Сюньлюя, от горячего дыхания которого по

коже пробежала дрожь. В его тоне слышалась такая горечь и тоска, словно это была полынь, промокшая под весенним дождем — одинокая, поникшая и растерянная, запертая в тесном бамбуковом сосуде.

Словно его снова бросили.

Пальцы Юнь Тина сжались в кулаки. Он хотел сказать, что не сердится, но врать не умел. Помолчав, он тихо ответил:

— Да.

— Почему?

Ши Сюньлюй прижался к нему еще крепче, не оставляя между ними ни единого промежутка. Тепло его тела проникало сквозь тонкую ткань одежды прямо в сердце Юнь Тина, отчего щеки наставника зарделись.

— Почему наставник сердится? Скажите мне, ученик обещает, что больше никогда не совершит подобной ошибки.

— Потому что... — Юнь Тин смущенно опустил глаза. Его пальцы медленно поглаживали бок Ши Сюньлюя. Наконец, он прижался губами к мочке уха ученика, словно оставляя легкий, как касание крыльев стрекозы, поцелуй, и, махнув на всё рукой, признался: — Мне неприятно.

— Мне неприятно видеть, как Лю Сучи находится рядом с тобой.

Услышав это, Ши Сюньлюй ощутил, как сердце ухнуло в бездну.

Неужели все, как написано в книгах? Наставник любит Лю Сучи и поэтому питает неприязнь к нему? Но ведь они виделись всего один раз. Всего один...

Наставник наконец-то открыл свое сердце, но не ему.

Ши Сюньлюй вцепился в плечи Юнь Тина, и сдерживаемый гнев вспыхнул с новой силой. Его зрачки медленно окрасились в красный цвет:

— Наставник, вы хотите сказать, что она вам нравится?

Юнь Тин поднял глаза, собираясь возразить, но, увидев покрасневшие глаза ученика, замер. Он хотел что-то сказать, но Ши Сюньлюй, чье поведение стало мрачным и агрессивным, перебил его, сжимая плечи наставника с такой силой, что, казалось, вот-вот раздробит кости:

— Вам хочется ее поцеловать? Вы боитесь, что ей будет грустно? Ваше сердце бьется ради нее?

— Если этого нет, то какая же это любовь?

Юнь Тин опешил.

Его губы беззвучно шевелились, кончик языка коснулся зубов, пробуя эти слова на вкус. Они звучали как смычок, проводящий по струнам, вызывая в душе легкую вибрацию. Спустя долгое время он неуверенно спросил:

— Если всё это есть... значит, это любовь?

— Да. — Ши Сюньлюй не отпускал его плеч, словно жаждал получить окончательный ответ. Его зрачки полыхали демоническим красным цветом, напоминая бога войны из прошлой жизни, который не щадил ни богов, ни демонов, если те вставали у него на пути. В его взгляде читалась густая, темная ярость: — Скажите мне, наставник, испытываете ли вы к ней хоть что-то...

Ши Сюньлюй запнулся, так и не решившись произнести слова о чувствах.

Юнь Тин был настолько потрясен, что долго не мог вымолвить ни слова, пребывая в каком-то оцепенении.

Ши Сюньлюй, видя его молчание, почувствовал, как сердце, словно привязанное к камню, опустилось на самое дно.

Он не знал, что в этот момент Юнь Тин думал о другом:

К ней — нет. Но к тебе — да.

Ведь Ши Сюньлюй получил ранение, защищая его. Ученик не был обязан отчитываться перед ним, а он, будучи наставником, не смог его уберечь. Но вместо этого он без всякой причины злился на Ши Сюньлюя.

Даже если бы Ши Сюньлюй любил Лю Сучи, разве имел он право сердиться на него?

Потому что он сам возжелал своего ученика.

Разве могут обычные отношения между наставником и учеником вызывать ревность и гнев из-за того, что у другого появилась возлюбленная?

Это невозможно.

Как сказал Ши Сюньлюй, только если сердце задето, человек начинает переживать из-за

каждой мелочи, из-за поведения другого, пытаюсь доказать, что он ему небезразличен.

Собственничество Ши Сюньлюя не знало границ, а собственничество Юнь Тина было направлено исключительно на Ши Сюньлюя.

Способы выражения чувств были разными, но суть — одна.

Первая встреча и поцелуй под персиковым деревом — это было биение сердца.

Решение стать главой ордена — из страха за него.

Признания и поцелуи в ночной тишине, объятия в лесу пурпурного сандала...

Все это было продиктовано эгоизмом.

Подумав об этом, Юнь Тин внезапно изменился в лице. По спине пробежал холодный пот. Он вспомнил свое давнее обещание Мин Хуэю никогда не поддаваться чувствам, и его лицо стало белее полотна.

Он действительно влюбился в Ши Сюньлюя.

В этот момент Юнь Тин осознал, что всё пошло не так. В его голове словно лопнула натянутая струна, и стук собственного сердца стал оглушительным. Он не смел больше взглянуть на Ши Сюньлюя. С резким шумом встав, он поспешно направился к выходу, думая лишь об одном — как можно скорее найти Цинъяня и спросить совета.

Его уход был настолько внезапным, что Ши Сюньлюй не успел удержать его пальцы. Мимолетное ощущение прохлады на ладони исчезло, и рука Ши Сюньлюя бессильно опустилась, словно опавший осенний лист, оставив после себя лишь пугающую пустоту.

Ши Сюньлюй смотрел на удаляющуюся спину Юнь Тина и замер в оцепенении.

<http://bllate.org/book/19526/1914589>